

Saga

МАРГАРЕТ ГРЭМ

ИСТЕРЛИ
ХОЛЛ

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г91

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *Е. Окольциной*

Margaret Graham
EASTERLEIGH HALL

Copyright © Margaret Graham 2014

This edition is published by arrangement with
Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Грэм, Маргарет.

Г91 Истерли-Холл : [роман] / Маргарет Грэм ; [перевод с английского Е. Богдановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — (Сага. Романы о судьбах).

ISBN 978-5-04-101979-2

Эви Форбс предана своей семье. Все мужчины в ней — шахтеры. Она с детства привыкла видеть страдания людей рабочего поселка: несчастные случаи и гибель близких, жестокость и несправедливость начальников. Она чувствует себя спасительницей семьи, когда устраивается работать в Истерли-Холл — поместье лорда Брамптона, хозяина шахт.

В господском доме Эми сразу же сталкивается с пренебрежением и тиранией хозяев, ленью, предательством и наглостью других слуг. Однако с помощью друзей, любви и собственного таланта она смело идет вперед, к своей цели — выйти «из-под лестницы».

Но в жизнь вмешивается война. Все уходят на фронт. Жизнь превращается в бесконечное ожидание роковых писем о судьбе родных. Все, что остается делать представителям обоих классов, — ждать Рождества, когда их мужчины вернуться...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Богданова Е., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-101979-2

ГЛАВА 1

*Шахтерский поселок Истон,
угольные копи Дурхэма, суббота,
3 апреля 1909 г.*

— **П**а спинку или сразу на умную головушку? — спросила, ехидно улыбаясь, Эви Форбс, передвинув тяжелый таз с горячей водой на край кухонной плиты.

Джек давился от смеха.

— Эй-эй, красавица, я просто спросил, нагрелась вода или нет.

Ну вот, он снова вывел ее из себя. Ручки таза жгли ладони, и Эви обернула их тряпками.

Ее попросила мама:

— Потри спину брату, солнышко, а я пойду покараулю. Так будет меньше подозрений.

Мама будет ждать на пороге дома, такого же, как все остальные в их шахтерском поселке. Она закутается в платок — ветер свежий в начале апреля — и сделает вид, что дожидается Тимми и прислушивается, не раздастся ли стук его сапог, когда он будет возвращаться со своей смены — он работал в Оулд Мод, истонской шахте, но не под землей, а на поверхности. А на самом деле она задумала перехватить молодую мисс Мэнтон, у которой работала Эви. Мисс Мэнтон должна была появиться со сногшибательной новостью, так интересующей мать и дочь. Она обещала быть где-то без четверти четыре, только вот на ее точность нельзя полагаться.

ИСТЕРЛИ ХОЛЛ

Эви украдкой оглядела комнату. Отец уже переоделся в домашнюю одежду и сидел в кресле слева от плиты со старым номером «Таймс». По субботам газету можно было брать бесплатно в читальном зале. Джек стоял в корыте по щиколотку в воде и дожидался, когда она принесет таз. Оба они вроде бы ни о чем не подозревали.

— Ну что, нагрелась вода? — окликнул ее Джек.

Эви взялась за ручки таза.

— В самый раз, чтобы раков варить. Будешь красный и вкусный, а вопить разрешается только за отдельную плату. Прикинь, парень, какая девушка захочет, чтобы ее увидели на танцах в субботу с красным как рак шахтером?

Она осторожно опустила таз на край плиты. Его тяжесть сразу же отдалась в плечах, руках и спине. Пар мало того что обжигает глаза, еще и вся завивка пропадет. Сегодня в клубе Истон энд Хоутон Майнерс вечеринка, а она будет похожа на женщину со змеями в волосах. Но разбираться с прической не было времени. Джек торопил:

— Давай, Эви. У меня впереди куча встреч с людьми в разных местах.

Он улыбался, и белые зубы особенно ярко блестели на черном от угольной пыли лице. Корыто всего в двух шагах от плиты, но таз такой тяжелый, что и этого достаточно.

— Не торопись, Эви-девчушка, — окликнул ее отец. — Потихоньку, осторожнее.

Голос его звучал тише, чем обычно, даже как-то устало.

— Я постараюсь, пап, — сказала она и тут же оступилась под тяжестью таза, но Джек уже протянул руки и взял у нее таз легко, будто перышко. Пальцы шахтера не чувствовали горячего металла.

— Давай-ка я сам, Эви, дорогуша.

Он вылил в таз оставшуюся от отца черно-серую от угольной пыли воду. Вокруг бедер у него была присборена мешковина, скрывающая мужское достоинство.

Мать, бывало, говорила, желая одобрить его стеснительность:

— И на том спасибо. Хвала Господу за наши маленькие радости.

На что Джек обычно отвечал, что применительно к его радостям слово «маленькие» никак не подходит, за что получал по щекам тряпкой, громко названной полотенцем.

Ну да, именно это ей так дорого — прочная семья, общее веселье, шутки. Сможет ли она оставить все это, если потребуется? С какими новостями придет мисс Мэнтон? С Эви побеседовали в Истерли Холле по поводу работы младшей поварихи — и что теперь?

Джек отдал ей таз и сдернул полотенце с сушилки, прикнутой к корыту. Он все-таки такой красавчик, и для нее он больше, чем брат. Джек — ее марра¹, товарищ и близкий друг, и ее любовь к нему была даже важнее того чувства, которое она испытывала к Саймону Престону. То, что она сделала, изменит отношения с братом, Эви это понимала. Но она не хочет думать об этом, не может.

— Ну как, встречаешься с молодчиком Саем? — поддразнил ее Джек, погружаясь в воду.

— Ты что, совсем спятил? Нет, конечно, я его почти не знаю. — Ее голос звучал уверенно и отчетливо. Эви отнесла таз в кладовку. Возможно, она увидится с Саймоном, но только если лорд Брамpton, его светлейшее величество, соблаговолит выпустить своих слуг из клетки.

Полегче, красавица, осадила она себя. Может так случиться, что со следующей недели эта же клетка ожи-

¹ Марра — товарищ, напарник, приятель, кореш, дружок, братан (*прим. пер.*).

дает и тебя, если ты сумела произвести хорошее впечатление.

Эви тряхнула головой. Лучше не надеяться. Вдруг не примут.

От этой мысли она почувствовала почти облегчение, потому что, если ее не возьмут на работу, она сможет остаться здесь, с семьей, и продолжать стирать для своей чудесной хозяйки. Мисс Мэнтон много всего ей объясняла и брала каждый месяц с собой на собрание суфражисток. И она так хотела, чтобы ей, Эви, лучше жилось. При этой мысли она снова тряхнула головой. Чтобы ей стало по-настоящему лучше жить, она *должна* стать поварихой, как того хотят мама и мисс Мэнтон. Тогда она сможет заработать достаточно, чтобы помогать своей семье, а в будущем выбиться в люди, открыв свое дело — гостиницу.

Она вытерла таз. В крошечной кладовке позади кухни было холодно и сыро. И вот уже Джек зовет:

— Давай, Эви, хватит мечтать, я тороплюсь, серьезно. У меня полно дел перед вечеринкой. Мне надо устраивать свою жизнь, сама знаешь.

Она развернулась на каблуках и бросилась назад, в тепло.

— Откуда же мне знать? — сказала она, уперев руки в бока. — Я здесь, чтобы тереть тебе спину и отмывать вас с папой, не говоря уже о Тимми, скажешь, нет?

— Во-во-во, а как же иначе? Вот погоди у меня!

Она улыбалась, не сводя глаз с Джека, чтобы успеть вовремя увернуться.

И точно, он брызнул на нее водой, но куда ему поспеть за ней!

— Вот так, голубь, шустрой надо быть!

Она услышала, как отец смеется вместе с ними. Но смех сразу же перешел в приступ кашля. Они с Джеком переглянулись. Но что толку давать волю этой внезапной тоске?

Оба одновременно отвели глаза, и Эви протянула руку за карболовым мылом. Перед Джеком мылся отец, и мыло все еще было скользким.

Джек сидел в корыте, опустив голову. Ноги он согнул в коленях, и мешковина всплыла на поверхность черно-серой воды. Она нагнулась, взяла у него тряпку и принялась отмывать ему спину. Противный запах угля и мыла ударил в нос. Карболка смыла жирную пыль, но шрамы оставались видны, не черные, но серо-синие от навеки вьёвшейся в кожу угольной пыли. Это тень проклятой шахты гнездится в них, грозная, как тлеющая вонючая грудa шлака, неодолимая, как те машины и механизмы, что держат поселок в своей власти.

Она терла все яростней. Вот будешь у меня розовый, черт тебя побери, думала она. Брат опустил плечи.

— Эй, полегче, подруга, кожу-то не сдирай!

Оказалось, что она содрала несколько болячек. Обычное дело для шахтеров, когда они трутся хребтом о низкую кровлю угольного пласта и сдирают кожу. Потекла кровь какого-то грязного красно-коричневого цвета. Отец снова зашелся в приступе кашля. Лиловые рваные шрамы, черные легкие, грязная кровь...

Нет, у папы еще этого нет. Но будет, если она не сможет избавить его и всех их от этой работы.

Она легонько провела тряпкой по спине брата.

— Извини, Джек.

По испещренной рубцами коже, вот так, осторожно обходя кровоточащие ранки. И страх еще сильнее сжал ее сердце.

Дня не проходило, чтобы она не размышляла, как ей вытащить их из шахты. И все-таки наступит момент, когда это произойдет. Она этого добьется. Мисс Мэнтон и ее подруги на собраниях суфражисток говорили, что женщины

могут добиться всех своих целей. На том первом собрании несколько месяцев назад Эви заново открыла для себя этот мир.

Вода снова начала остывать. На дне теперь скопилась самая грязь. Бедный Тимми. Но таков порядок в шахтерском доме: сначала моется отец, потом старший сын, а младший в последнюю очередь. Но Тимми хотя бы работает на поверхности, отделяет шлак от угля, и о нем пока можно не беспокоиться.

Джек что-то напевал, плеская водой по груди и ногам. Старые порезы оставили свои серо-фиолетовые следы на коже. А вот и свежий, через все бедро, багрово-черный, воспаленный. Черт, да они, похоже, всегда воспаленные. Папа опять закашлялся в тряпку, служащую ему носовым платком. Она украдкой посмотрела на него. Когда шахтеры кашляют, лицо у них подергивается, это что-то вроде нервного тика. Но черной слизи не было. Пока.

— Что мама делает на крыльце? — спросил он.

— Ждет братца. — Джек тер лицо, стараясь смыть угольную пыль.

— Эге, да это она на крыльце с соседкой небось болтает. Она же прекрасно знает, что он с задворок подойдет, как обычно.

Оба засмеялись.

— А как голуби, пап, и что нового в газетах?

Что угодно, только бы разговор продолжался. Ну вот, удалось. Отец сказал:

— Да ты сама сейчас прочитаешь, а что до птиц, то меня сейчас беспокоит Элфи.

Он что-то забубнил себе под нос, и Эви расслабилась.

— Джек, ты чистенький. — Она хлопнула его по спине.

Мама требовала, чтобы они мылись каждый день. Это означало, что, придя с работы, нужно натаскать полные

ведра от коммунальной водоканчки на улице, но зато постели долше остаются чистыми. Всякие суеверия вроде «никогда не мой спину, а то сил не будет» мама терпеть не могла.

— К черту всякую чущь, — говорила она. — Ступай купаться.

Эви улыбнулась, вспомнив ее слова. Мама к тому же всегда заставляла их читать газеты, перед тем как отдать соседям, и полностью соглашалась с мисс Мэнтон, что учение помогает человеку выбиться в люди. Эви выжала тряпку и повесила ее на край корыта.

— Ну вот, ты теперь чистый, как стеклышко. Иди, красавец мой, собирайся на вечеринку. С кем из бедных девушек ты пойдешь сегодня на качели?

Она выпрямилась и расслабила поясницу. Как хорошо, что мисс Мэнтон согласилась учить ее готовить. Если бы она стала горничной, ей пришлось бы ползать на коленях, вычищая мусор из-под ковриков, и дело кончилось бы больной спиной, а это уже крест на всех планах.

Мисс Мэнтон — добрая женщина, истинная христианка, говорила ее мать, а потом добавляла: «Куда денешься, раз приходится терпеть все эти проповеди брата-пастора».

Джек хлопал себя мешковиной, стараясь обсушиться, а Эви тем временем собирала с пола его одежду. Все вещи настолько впитали в себя угольную пыль и грязь, что могли бы, кажется, сами дойти до кладовки, но все-таки она помогла им благополучно добраться до кучи отцовской одежды. Приятно думать о сегодняшней вечеринке. Она постаралась сосредоточиться на предстоящем удовольствии, поскольку, как говорит ее мать, на волнениях чайник не вскипятишь. Все эти поговорки-присказки до смерти надоели, но сегодня она думала о них со слезами. Ей не хотелось покидать дом. Как она сможет жить без своей семьи? Она устремила взгляд на брошенную одежду, все еще хранившую форму

тела носивших ее мужчин. Потом подобрала подбитые гвоздями сапоги Джека и поставила их к плите. Она еще раньше почистила и смазала их. Потрогав чистые брюки на сушилке, она сказала:

— Одежда теплая и сухая, голубчик.

Голос у нее дрожал, но никто ничего не заметил. Она провела рукой по сушилке и отвернулась, чтобы Джек мог одеться, не стесняясь. На стенах висели картины Нортумбрианского побережья, нарисованные маррой ее отца, Беном. Мама всегда говорила, что они еще со школы были неразлейвода. Бен и другие шахтеры-рисовальщики собирались вместе в близлежащем бараке. Ну что ж, хоть какое-то разнообразие в жизни, а не один только порей, собаки и голуби.

Эви смотрела на чадившие масляные лампы, на буфет, где красовалась лучшая мамина посуда — они ставили ее на стол только на Рождество, на плетеный коврик перед плитой. Она любила каждую мелочь в их доме, но ведь на самом деле это не был их дом. Он принадлежал управлению угольной шахты — иными словами, лорду Брамptonу.

Огонь шипел и потрескивал. Каждый месяц они вместе с другими шахтерами получали бесплатно тонну угля в счет заработка. Это был грязный уголь, не пригодный для продажи, потому что в нем было слишком много шлака, но бедняки не выбирают. Она накренила плиту, хотя в этом не было необходимости. Отец вроде бы смотрел, но как будто ничего не видел перед собой.

— Па, ты как сегодня?

Отец снова взял газету и зашелестел страницами. Она повторила попытку.

— Ух, и колючий сегодня ветер, пап. Пастор ездил в Фордингтон и сказал, что прибором сегодня бурлит со страшной силой.

Отец отозвался из-за газеты:

— Это хорошо, будет много морского угля¹. Завтра после обеда возьмем телегу и поедем собирать. Скупщик будет там, он дает хорошую цену, так что сможем отложить еще немного.

В его голосе вдруг послышалось странное ожесточение.

— Ты поедешь со мной и Тимми, Джек?

Отец посмотрел поверх газеты на сына. Джек опять что-то напевал, пристегивая подтяжки.

Что-то явно не то в папином голосе. Он узнал про ее будущую работу? Нет, она будет думать только о брате и больше ни о чем.

— Обязательно. — Джек взял рубашку, надел и стал застегивать. — Но сейчас я собираюсь в «Нампис» побриться.

Он провел рукой по отросшей щетине на подбородке. В темных глазах вспыхнула улыбка. Все парни ходили в «Нампис», мужчины постарше брились сами. И никто не брился в рабочие дни.

Пока Джек надевал сапоги, Эви взяла полотенце и направилась в кладовку, по ходу взглянув на старые дедушкины часы, висевшие слева от плиты. Они показывали точное время, и в случае необходимости их можно будет заложить. Полчетвертого. Мисс Мэнтон, пожалуйста, не торопитесь приходить. Пусть сначала мужчины уйдут, Джек — к парикмахеру, папа — в голубятню на заднем дворе. И тогда, если ее, Эви, приняли, она подождет, когда разомлевшие мужчины в благодушном настроении вернуться с вечеринки, и осторожно выложит свою новость: она будет работать на хозяина, которого они оба ненавидят. Это означает, что

¹ Морской уголь — уголь, вымываемый морем из осадков (прим. пер.).

она перешла на другую сторону, это предательство, да, но вынужденное, поскольку только у него в поместье она сможет пройти необходимое обучение и при этом не уезжать далеко от семьи. И в конце концов, почему бы Ублюдку Брамптону не заплатить за их освобождение от рабства на его проклятой шахте?

Она открыла заднюю дверь и принялась энергично вытряхивать полотенце. Потом наступила очередь пропитавшихся угольной пылью рубах, гамаш и коротких шахтерских штанов. Она выбивала их об стену снова и снова, все время кашляя — угольная пыль забивалась ей в горло. Дул порывистый ветер, хотя небо было голубым. Справа от двери в стену были вбиты гвозди — придя из шахты, мужчины вешали на них свои куртки. Она начала их выбивать. Руки покрылись плотным слоем черной пыли. А что же тогда у них в легких? Одежду Тимми она разберет, когда он вернется домой. Может статься, в последний раз.

Перед тем как начать выбивать одежду, она снова вспомнила свой визит в Истерли Холл. Там работала бывшая повариха мисс Мэнтон, миссис Мур, и она обещала мисс Мэнтон сообщить, когда узнает, взяли ли Эви помощницей на кухне, а лучше бы младшей поварихой. На прошлой неделе выяснилось, что их прежняя младшая повариха беременна, и ее выгнали. Слава богу, в семье бедняжку приняли обратно. А мисс Мэнтон отвезла Эви в своей двуколке в поместье, где с ней поговорила миссис Мур, а потом дворецкий отвел Эви наверх, к леди Брамптон.

Никогда в жизни Эви не видела таких ковров, занавесей, такого великолепия. И никогда в жизни с ней не разговаривали с таким презрением. На какое-то мгновение, когда леди Брамптон продолжала унижать ее, Эви засомневалась в своих планах. Но только на мгновение. Миссис Мур предупредила ее, чтобы она выходила из гостиной, пятясь, иначе

леди Брамpton оскорбится, и именно тогда Эви обещала себе, что придет день, когда она завершит то, что сама называла платным обучением, и доставит себе удовольствие и оплатит леди Брамpton за унижение той же монетой.

Предполагалось, что мисс Мэнтон приедет с новостями до начала вечеринки. Если Эви принята, она должна будет начать работать с завтрашнего дня, поскольку имеющихся рекомендаций мисс Мэнтон и миссис Мур вполне достаточно и других не потребуется.

— Как ты думаешь, Эви, понравлюсь я девушкам? — Джек стоял у входа в кладовку. Эви выпрямилась. Улыбка осветила ее лицо.

— Я же всегда говорила, что ты красавчик.

Но тут она заметила сумку у него на плече, и сердце у нее упало. Так вот оно что. Собирается вечером на кулачные бои. Голыми руками... Она должна была знать. Когда бои устраивают во время вечеринки, всегда полно народу, и приз должен быть очень приличным.

Она смотрела на него.

— Будь осторожен, — шепнула она.

— Буду, — ответил он одними губами. — Говорят, что приз назначили в пять гиней. Это же целое состояние. Все вокруг заключают пари. Я должен участвовать.

Эви понимала, что он имеет в виду. Их семья откладывала деньги, чтобы выкупить один из трех домов, расположенных на выезде из поселка, у их владельца, мистера Фроггетта, фермера. Тот, на который они рассчитывали, был самым маленьким и, соответственно, самым дешевым. Только владение недвижимостью давало возможность распоряжаться собственной жизнью. Тогда Джек мог бы оказывать поддержку Джебу, представителю профсоюза шахтеров, без риска для семьи быть выселенной из дома, принадлежащего управлению шахты. Каждое заработанное ими пенни, за